

УДК 930.85 (575.2) (04)

«УДЕЛ ВЕЛИЧИЯ – СТРАДАНИЕ»

В.А. Воронаева

Характеризуется поэтическое творчество А.Л. Чижевского.

Ключевые слова: патриотизм; гелиобиология; идеологический прессинг; электрогемодинамика; аэроионификация.

Родина

Поля, леса, долины, реки, горы,
И неба необъятного простор,
И тихих звезд сверкающие взоры
И мысли широчайший кругозор.
О, все, что с детства душу волновало
Пленительной, тревожной красотой,
Опять душе так больно-близко стало
При ярком звуке родины святой.
И я, беглец, проклявший эту землю¹
Во времена стихийных непогод, –
Опять люблю, опять тебя приемлю,
Мятущийся, родимый мой народ.
И, опустившись к глыбе этой черной,
Живую правду постигаю в ней:
О, нет нигде для сердца обороны,
Как на пределах родины своей.

А. Чижевский. 1916 г.

Этим стихотворением открывается книга “Калуга в жизни А.Л. Чижевского”, присланная нам с дарственным автографом из Калуги, родины космонавтики, нашими давними и очень дорогими друзьями – автором Алексеем Васильевичем Манакиным и его, как он считает сам, “верным другом и соратником” Людмилой Теобальдовной Энгельгардт.

Кроме того, что этот Высокий труд расширяет наши знания об А.Л. Чижевском, он также заставляет задуматься над материалом, изложенном в нем. В частности, слова из названного выше стихотворения “Родина” о том, что даже горячо любящий Родину человек “во времена стихийных непогод” проклинает ее.

Сам А.Л. Чижевский, когда ему едва исполнилось 20 лет, пишет стихотворение “29 января 1917 г.” [1, с. 211–213], эпиграфом к которому послужили слова А.С. Пушкина:

“Чорт надоумил меня родиться в России с душой и талантом”.

(Из письма Пушкина к жене, 1836 г.).

“Заутра казнь, привычный пир народу”.

Пушкин. “А. Шенье”.

“Как будто в гробе, тьмы людей молчали”.

Пушкин. “Полтава” (1828).

Совершенно очевидно, что двадцатилетний поэт, будущий Леонардо да Винчи XX в., как назвала его мировая научная мысль, проведший свои юные годы буквально в нескольких десятках километров от Полотняного Завода, родового поместья Гончаровых, не только знал, но и навсегда прочувствовал убийственные характеристики, которые дал своей Родине и своему времени Гений русской словесности. Мало того, Александр Чижевский и в эпиграфе, и в самом стихотворении предвидел и как будто предсказал свою собственную судьбу.

И он, Александр Чижевский, – и в юные годы, и уже известный ученый стремился, как когда-то Александр Сергеевич, бежать

“туда, где творческие силы

В свободе духа могут зреть,

Где нет тюремщиков постылых,

Запрета нет дышать и петь”.

Истории также известно, что Гений русской словесности в родной стране не был счастлив. Многие задаются вопросом, что сделал бы Пушкин, если бы он имел возможность свободно путешествовать по миру, если бы он смог побывать, как Байрон, в Греции или Испании?

В южной ссылке он размышлял о возможности перебраться в Константинополь. В те дни он писал, доверив свои мечтания бумаге:

“Как часто по брегам твоим

Бродил я тихий и туманный,

Заветным умислом томим”.

¹ Курсив авт. – В.В.

Но не всегда Пушкин оставался в стране из-за запрета властей. Бывали не только дни, но и месяцы, когда о Поэте забывали даже власти. А биография Поэта свидетельствует о том, что строй и порядки его Родины он искренне не любил.

Некоторые современные исследователи творчества Пушкина считают, что он находился в непримиримой оппозиции к царскому режиму и поэтому, якобы, он мог желать даже поражения в войне собственному правительству.

Примерно так же они считали, что Пушкин и Российскую империю называл тюрьмой народов. Оценка дается с позиций и трактовок сегодняшнего дня. Однако ни одно из произведений Пушкина поводов к таким выводам не давало.

Вместе со своими товарищами-лицеистами молодой Пушкин с восторгом приветствовал воинов, отправлявшихся на войну с Наполеоном. И потом среди его друзей было много героев войны 1812 г. И он гордился этой дружбой.

Родился Александр Леонидович Чижевский 7 февраля (26 января по старому стилю) 1897 г. То есть в тот день, когда Александр Сергеевич Пушкин был смертельно ранен. И родился он почти через сто лет после рождения А.С. Пушкина.

Вслед за А. Чижевским можно считать, что “жизнь в значительной степени есть явление космическое, чем земное”, и что

Для нас едино все: и в малом, и большом.

Кровь общая течет по жилам всей Вселенной”, то легко можно понять закономерность и в рождении, и в смерти Гения русской словесности А.С. Пушкина и Поэта-ученого А.Л. Чижевского. Как ни парадоксально, даже названы они оба одним именем Александр – Саша – Шура.

“Солнце нашей поэзии закатилось!” – сказано было сразу после гибели А.С. Пушкина и не только В. Жуковским. В том же XIX в., но гораздо позднее Достоевский бросил загадочную фразу: “Жил бы Пушкин далее, так и между нами было бы, может быть менее недоразумений и споров, чем видим теперь”.

И в наше время А.С. Пушкин востребован – поэт XIX в. в бурном XX в., причем такой талант, как А.С. Пушкин, рассматривается талантом XX в. – А.Л. Чижевским. И здесь все закономерно: полностью оценить талант обычно способны только талантливые потомки. Современники А.С. Пушкина не вполне понимали, с кем им повезло, не только жить рядом, но даже общаться с ним.

Здесь уместно вновь вспомнить высказывания русского мыслителя священника Павла Флоренского: “Достаточно знаю историю и исторический ход развития мысли, чтобы предвидеть то время, когда

станут искать отдельные обломки разрушенного. Однако меня это отнюдь не радует, а скорее досадует: ненавистна человеческая глупость, длаящая от начала истории и вероятно намеревающаяся идти до конца” [2, с. 291].

Опираясь и на собственный трагический опыт¹, и размышляя о судьбе А.С. Пушкина в одном из последних своих писем – 13.2.1937 г. – П. Флоренский делает обобщающие выводы: “... удел величия – страдание, – страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет.

Почему это так – вполне ясно, это отставание по фазе: общества от величия и себя самого от собственного величия <...> Ясно, свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее” [2, с. 291–292].

И Павел Флоренский – священник и ученый, так же как А.С. Пушкин, А.Л. Чижевский и другие истинные подвижники высокого духа достойно нес выпавший ему и многим его современникам жребий. И он, глубоко осознавая дикость и бессмысленность происходящего, болезненно переживал угнетение духа, издевательства над умом человеческим, но никогда не помышлял бросить свою Родину навсегда.

Ответ находим в комплексном изучении историко-культурных и гелиобиологических процессов многочисленных трудов А.Л. Чижевского. В них интегрируются усилия ученых самых различных направлений: биологов, медиков, геофизиков, историков, астрономов.

... Поэзия в пустой войне с наукой,

По сути же у них – единый корень.

Познание же, друзья, вмещает все в себе:

Материю и дух в единстве и борьбе...

Так поэтически выразил несостоятельность извечного спора между “физиками” и “лириками”, а своими разносторонними открытиями, а также

¹ П.А. Флоренский – богослов и мыслитель, выдающееся и уникальное явление в истории отечественной и мировой культуры. Могучий ум П. Флоренского работал во всех направлениях: технике, лингвистике, литературе, теории искусства. Его «Храмовое действо как синтез искусств» – классический памятник православной эстетики. В феврале 1933 г. П. Флоренский был арестован и осужден по 58-й статье на десять лет. Сначала БАМлаг, затем Соловки. И здесь он продолжал работать, хотя знал, что дело его жизни разрушено, «и я никогда не смогу и, кроме того, не захочу возобновлять труд всех 50 лет». Погиб в 1937 г.

живописным творчеством и всей жизнью Александр Леонидович доказал, что в “смятенье мы, а истина ясна...”. Истина – в познании, которое вмещает в себя и материю, и дух. Но тут же ученый опять же поэтически, хотя и довольно кратко утверждает:

“Чтоб быть поэтом – мало знать!

Поэту надобно страдать!” [1, с. 201]

В тот год – 1919, когда писались эти стихи, А.Л. Чижевскому было всего 22 года, и все будущие чудовищные и физические, и духовные страдания, которые выпали на его долю, он только предвидел.

Стихи, написанные в юные годы и обращенные к великим, вечным труженикам культуры А. Фету, Галилею, Бетховену, Микеланджело, Демосфену, Архимеду, Сократу, Гиппократу, А.С. Пушкину и др., А.Л. Чижевский, очевидно, перечитывал и переосмысливал в заключении сначала в Челябинске, а потом в Карагандинском лагере.

О поэтах казахстанской земли, на которой располагался Карагандинский лагерь, Олжас Сулейменов заметил: “Поэтам моего поколения дано было счастье ощущения своей необходимости. На встречи с поэтами народ ходил, как на футбол... Мы заслужили право сказать:

Так в мир входя,

мы изменяем мир,

Он – перемена, звук – ее основа,

Мой мир, рябь, морщинась,

как эфир,

Приобретает очертанья СЛОВА.

И я верю – какие бы невзгоды ни обрушивались на мир людей, он устоит, пока жива его поэзия” [3, с. 3]. Жизнь поэта связана с его страной. А Казахстан –

“это страна,...

на которой крестам не расти...

Казахстан, ты огромен –

пять Франций –

без лувров, монмартров –

уместились в тебе все Бастилии

грешных столиц” [3, с. 5].

За несколько лет до ареста А.Л. Чижевский, как будто предчувствуя надвигающуюся беду над страной – Вторую мировую войну – и над ним самим пишет:

В науке я прослыл поэтом,

Среди поэтов – я ученый,

Увы, не верю я при этом

Моей фортуне золоченой.

Мой путь поэта безызвестен,

Натуралиста путь тревожен,

А мне один покой лишь лестен,

Но он как раз и невозможен...

Ах нет, душа волнений просит

И, непокорная рассудку,

Мой углый челн всегда заносит

В преотвратительную шутку.

Меня грызут, меня съедают,

Слюной разбрызгивая брызги,

Из всех конур собаки лают,

Из подворотен – мосек визги.

Управлюсь ли с собачьей сворой,

Иль буду съеден на распутье?

Ах, ненавижу эти споры,

Хочу от брани отдохнуть я [1, с. 37–38].

Уже тогда, в 1935 г., когда поэт и известный ученый А.Л. Чижевский противостоял идеологическому прессингу, ставил перед собой вопрос: “Управлюсь ли..., иль буду съеден на распутье?” В тот год он подвергался достаточно суровой критике, но даже в 1937 г. не был арестован. Его сумели “отстоять” влиятельные ученые... Но потом Ивлаг и Карлаг.

В 1942 г. А.Л. Чижевский попадает в бесконечно длительное заключение. И здесь свои жизненные силы ученый поэт поддерживает живописью и стихами. Трудно сказать, судьба это или просто совпадение, но с 1945 г. он отбывает заключение в Казахстане под лучами “великолепного, державного Светила”, в котором еще в 1919 г. “познал собрата-близнеца”. Но здесь, в Карлаге, солнце было разное: горячее, испепеляющее, нередко и холодное, и только изредка – ласковое.

В эти годы А.Л. Чижевский проводит эксперименты и делает новые открытия в области гематологии: исследует электрические и электромагнитные свойства эритроцитов – красных кровяных телец. Он исследует кровь в движении и находит электрические особенности реакции оседания эритроцитов.

Благодаря исследованиям А.Л. Чижевского, впервые в истории медицины кровь предстала как целостная динамичная система. Работы ученого по электрогемодинамике открывали новые возможности для постановки более точных диагнозов многих заболеваний и для поисков новых терапевтических методов.

Разумеется, эксперименты проводились в лаборатории лечебно-санитарной части Карлага, которая находилась за зоной и состояла из большого комплекса больниц и амбулаторий для вольнонаемных, частично и для заключенных. На работу и с работы его водили под конвоем в большой группе заключенных врачей и младшего персонала – мужчин и женщин.

Сотоварищи по заключению вспоминали: “Несмотря на все наши послевоенные разочарования, Александр Леонидович был необыкновенным оптимистом, он всегда верил, что наступит светлый час и в нашей жизни, и восторжествует правда и справедливость” [4, с. 35].

Разумеется, Александра Леонидовича нередко настигали мысли тревожные, не вызывающие какого-то оптимизма. И это закономерно, поскольку его окружала безнадежная, тревожащая жизнь без каких-либо надежд на будущее.

В Караганде 22 февраля 1950 г., оглянувшись мысленно назад, он с горечью пишет:

Рок тяготеет над всем
Мною свершенным в труде:
Мысли, картины, стихи,
Трезвой науки плоды –
Все исчезает как дым,
Все превращается в прах,
Будто трудился не я,
Будто созданы мои
Сняты кому-то во сне,
Вместе со мной – их творцом [1, с. 42].

И здесь тягостные мысли, но ни слова упрека ни стране, ни народу, среди которого он жил многие годы, пусть даже и в условиях заключения. И после освобождения А.Л. Чижевский продолжает работать в Караганде над своими научными изысканиями и пишет живописные полотна о родной природе и о том, как

... целый мир как бы живет сознанием,
Что в эти дни – достиг расцвета сил,
И принимает с равным обаяньем
И солнце дня, и бег ночных светил [1, с. 89].

Нередко Александр Леонидович размышлял о назначении Поэта. В одном из своих стихотворений он пишет:

Нет, вы не верите в поэта!
Для вас поэт – мечтатель лишь,
Ваш ум ни музыкой сонета,
Ни страстной правдой не смутить.
Живой души негодование
В его устах звучит для вас,
Как звук пустой, иносказанье,
Вне жизни, полное прикрас.
Поэт – он прям, и лицемерить
Не может он, не станет он:

*Поэту надо больше верить –
И будет мир преображен.*

Он без корысти служит миру,
Единый чистоту сберег:

Как символ света держит лиру

Над мраком всех земных дорог [5, с. 306–307].

Из Казахстана А.Л. Чижевский вернулся в Москву в 1958 г. И здесь уже в 1959 г. был опубликован его фундаментальный труд “Структурный анализ движущейся крови”, а в 1960 г. – монография “Аэроионификация в народном хозяйстве”.

В оставшиеся до ухода из жизни несколько лет ученый-поэт-живописец работает над усовер-

шенствованием своих аэроионизаторов с целью их использования в кабинах самолетов и космических кораблей. Устанавливает связь с главным конструктором космических кораблей С.П. Королевым и конструктором самолетов О.Г. Антоновым. “Солнечным пленником” называли его современники.

Последние годы жизни Александр Леонидович посвятил воспоминаниям об отце, прадеде Никите Васильевиче, о других предках отца и матери и, конечно, о своем старшем друге и учителе К.Э. Циолковском. Приводит в порядок свой архив. Двадцать пять страниц – такова была дневная норма его работы.

Верной помощницей в его делах была Нина Вадимовна Чижевская (урожденная Энгельгардт). Впервые его воспоминания в сокращенном варианте вышли в 1974 г. под заголовком “Вся жизнь”. В полном объеме они были опубликованы в 1995 г. – “На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским”.

Завещанием нам звучит его стихотворение “Время” [5, с. 76]:

Я к вам приду, когда свершатся сроки
И воззовет судьба,
Приду, поэты и пророки,
Сквозь все гроба;
Как некогда мы соберемся снова,
Как будто в первый раз,
И станет сердце пламенеть от слова
В свиданья час;
И вспыхнет также небо многозвездно,
Польется звучно стих
И вся тысячелетий бездна
Сольется – в миг!

Это завещание звучит как эстафета, принятая от завещания Александра Сергеевича Пушкина, обращенного не только к друзьям-современникам, но, наверное, и к нам – современникам XXI в.

Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:

... Стихи, летучих дум
небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей.
Надежды и мечты...
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите...

Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други для себя!

Когда гроза пройдет,
толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать
Мой свиток верный.

И, долго слушая, скажите: это он,
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь... [6, с. 45–46]

И сегодня вокруг памятника А.С. Пушкину –
свечи, возгоревшейся от восходящего Солнца,
“собираются” почитатели “свитка верного” Поэта.

Литература

1. *Чижевский А.* В науке я прослыл поэтом... Стихотворения. Калуга, 1996.

2. *Священник Павел Флоренский.* Избранные труды по искусству. М., 1996.
3. *Сулейменов Олжас.* И в каждом слове улыбался бог... Алматы, 2011.
4. *Прасолова Е.Л.* Жить гению в цепях не надлежит. Калуга, 1993.
5. *Чижевский А.Л.* Поэзия. М., 1998.
6. *Пушкин А.С.* Стихотворения. 1824 (Михайловское) – 1836 // Андрей Шенья. Собр. соч.: в 10 т. II. М., 1981.